

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ КАК МОДУС СТАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кирилл Постоутенко

Исторический оптимизм возник задолго до соцреализма. В метафизике оптимизм или доисторичен (античность)¹, или внеисторичен (Лейбниц): добро определяется «вертикальными» отношениями — степенью сакрализации. В диалектике, напротив, добро формулируется «горизонтально» — полемикой с противове- сом-злом; соответственно, в диалектике истории светлое будущее требует мрачного прошлого/настоящего. Подобный механизм поведения, конституирующий исторический оптимизм, присущ и отдельным людям², и истории в целом: эквивалентный обмен несчастий профанной/земной жизни на счастье следующей за ней сакральной/загробной — основа христианской этики.

Ленин, сформулировавший в 1897 г. исходные принципы исторического оптимизма, возводит их к Просвещению: «Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. “Ученик” верит в данное общественное развитие, ибо он видит залог лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий... Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно было бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже»³. Возможно, в обобщенный образ «просветителя» Ленин включал не только бесчисленные утопические фантазии XVIII века, но и таких неявных атеистов оптимистического и притом диалектического толка, как Монтескье. В любом случае профанизация настоящего и сакрализация будущего является единственной возможностью сохранить оптимизм в отсутствие Бога и загробной жизни.

Резкость противопоставления «сегодня» и «завтра» достигла в раннем марксизме апогея: прямым следствием этого, по выражению В. Крауса, «катастрофического оптимизма»⁴ было наделение слабости и ущербности государства (в нашем случае — России) профетическим смыслом. Вернадский справедливо аттестовал Маркса как «самостоятельно мыслящего гегельянца»⁵; Ленина он мог бы назвать радикалом гегельянства — диалектика приобретает в его деятельности самодовлеющее значение.

Революция 1917 г. в марксистской трактовке — снятие внутренних противоречий профанного досоциалистического общества (труд/капитал и др.). В действительности коммунистический синтез претендует на большее — нейтрализацию антитезы «профанное» прошлое / «сакральное» настоящее⁶. В. З. Паперный постулировал переход от революции к социализму как смену двух культурных парадигм — диалектической и метафизической. Эта концепция, развитая в его «Культуре Два» с замечательной полнотой и четкостью, уверенно вписывает соцреализм в русскую историю, фактически оставляя без внимания его специфичность⁷. Между тем эта специфичность очевидна, и состоит она, на наш взгляд, в симбиотическом существовании в культуре соцреализма настоящего и будущего, потенциального и актуального, диалектического и метафизического. Советский человек, таким образом, с самого начала своего существования оказывается обита-

телем и мира Гегеля, и мира Лейбница. К доказательству этого тезиса хотелось бы приобщить материалы по исторической семантике словосочетания «исторический оптимизм».

Ленинский тезис об атеистической природе марксистского исторического оптимизма заслуживает доверия. Нельзя, тем не менее, оставить без внимания трудности, к которым приводит исключение Бога из историософии. Они с подкупающей откровенностью обрисованы Е. Дюрингом в знаменитом оптимистическом манифесте социалистического толка «Ценность жизни»: «Es sich in dem, was ich... Geistesführung nenne und an Stelle der Religion gesetzt wissen will, um gar keine Gemeinschaft mit der Religion... handeln solle. Der Ausdruck «Vollkommeneres» bedeutet so viel als eine... Betätigung von Gemütskraft und Verständnisvermögen an dem Ganzen des Seins, wie sie bisher beim Menschengeschlecht gefehlt hat... Ich vertrete keine neue Religionsschöpferei., sondern eine Geisteshaltung, die sich bei jedem... freiwillig zur Selbstgestaltung besseren Sinnes und Bessern Wissens herausbilden und nach Aussen geltend machen soll. Wenn hierbei überhaupt noch von «Autorität» geredet werden soll, so darf es nur in jenem natürlichen Sinne des Wortes sein, wonach Autorität nichts weiter zu bedeuten hat als das unwillkürliche Ansehen»⁸. * Несмотря на все свои оговорки (и даже во многом благодаря им) Дюринг формулирует одну из констант социалистического оптимизма: в соцреализме оптимизм не гарантирован историей, ибо роль ее уже не столь самодовлеющая. Поэтому оптимизм нуждается во внеисторических гарантиях, вручаемых не Богу, которого нет, но его антропологической противоположности — Авторитету⁹. Основываясь на философии Фейербаха, предлагавшего замену теологии антропологией, соцреализм карикатуризировал ее: Фейербах предлагал заменить божественное всечеловеческим¹⁰, соцреализм — сверхчеловеческим.

Принадлежность миру Гегеля, истории и диалектике, проявляется во многочисленных указаниях на приближение светлого будущего с непрменной констатацией настоящих «временных трудностей»: «Глубокие страдания переживают главные герои романа Николая Островского “Как закалялась сталь” и Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке”»; тяжелое поражение терпят в бою с белогвардейцами красные партизаны — герои романа Александра Фадеева “Разгром”; под напором невежд и демагогов вынужден оставить созданную им прекрасную детскую колонию автобиографический герой “Педагогической поэмы” Антона Макаренко; гибнут от руки врага герои романа Дмитрия Фурманова “Чапаев” и романа Михаила Шолохова “Поднятая целина”... Оптимизм этих произведений состоит вовсе не в счастливых концах, а основывается на внутреннем смысле, на существовании философского осмысления жизненного конфликта... Драматична судьба героев романа Леонида Первомайского “Дикий мед”..., многие из них гибнут в боях с фашистами; гибнут от рук кулаков и белогвардейцев. Бастрыков и другие герои нового романа Георгия Маркова “Отец и сын”..., мечтавшие в 1921 году на глухой сибирской реке Васюган организовать коммуны... И все-таки эти книги звучат оптимистично! Они написаны так, что мы верим, что Щербаков потерпел поражение временно, что, в конце концов, на его стороне вместе с правдой будет и сила; мы убеждены, что мечта, которую не удалось осуществить в 1921 году Бастрыкову, будет воплощена в плоть и явь его сыном Алешей, принявшем от отца все его лучшие черты»¹¹.

* В том, что я именую «Духоведением» и чем я хотел бы заменить религию — нет ничего общего с религией... Выражение «Совершение» означает... столь значительное... участие душевных сил и способностей рассудка в полноте бытия, какое прежде было недоступно человечеству... Это не новая религия,.. но духовная работа, которая возникает в каждом свободно формирующемся и совершенствующемся знании и осмысливании, и которая должна быть вынесена вовне. Если при этом и идет речь об «авторитете», то лишь в том единственном смысле, в котором авторитет означает не более чем ненавязчивое уважение (нем.)

В некоторых текстах, аналогично дореволюционной социалистической публицистике, страдания людей объявляются гарантией их будущего счастья: «Если бы не было этих страданий и мук, трагических ошибок возросшего опыта, то есть всего процесса роста, обогащения личности героев [“Разгрома”] Фадеева — от командира до последнего человека в отряде Левинсона, то не было бы тех гарантий победы, которые делают это бесстрашное повествование о поражении источником силы, уверенным предвосхищением науки побеждать. Разве не тот же образ преодоления страданий, не та же требовательная философия оптимизма составляет пафос романа “Как закалялась сталь”, герой которого упрочился в сознании людей как образ “настоящего человека”?»¹²

Пример подлинной сакрализации будущего демонстрирует в «Кавалере Золотой Звезды» С. Бабаевского председатель станичного совета Савва Остроухов, заявляющий районному руководителю Федору Лукичу Хохлакову: «Я говорю о будущем станицы, а вы меня тычете носом в тягло»¹³. Начальник строительства нефтепровода Ковшов («Далеко от Москвы» В. Ажаева) считает преждевременную радость преступлением: «Таких людей, которым бы все казалось легким, следовало бы судить, как бездельников... да, именно, как бездельников... да, именно как бездельников и прохвостов... ибо кому же могло быть легко?.. Только мерзавцам и негодьям»¹⁴.

Но подобная трактовка исторического оптимизма для соцреализма не характерна. В тех же самых литературно-критических и художественных текстах мы находим ее противоположность: неразличимость настоящего и будущего. Наиболее наглядным примером новой историософии является способность советского человека наслаждаться эстетическим созерцанием еще не созданных объектов: «Более всего, конечно, Сергея радовал вид будущей гидростанции. И хотя еще не горели на солнце окна и не шумела турбина, хотя еще не блестел цинк на крыше, не плескалась вода и сквозь строительный лес лишь угадывались контуры квадратного здания с белыми стропилами, — а все вокруг уже изменилось: и берега Кубани сделались отлогими, и горы стали как будто ниже и приветливее, и беги реки стремительнее, и даже Усть-Невинская точно надела обнову и помолодела»¹⁵. Будущее настолько осязаемо, что выступает (наряду с настоящим) в качестве эмпирической основы оптимистического мирозерцания: «Оптимизм нашей литературы — воинствующий, трезвый и страстный, смотрящий далеко вперед глазами самой передовой науки об обществе, опирающийся в своем изображении жизни не только на то, что есть сегодня, но и на то, что будет завтра, и, стало быть, открывающий новое в жизни»¹⁶.

Непонимание этого простого факта характеризует врагов: в романе-хронике В. Катаева «Время, вперед!» уклонист-партиец и американофил Налбандов заявляет: «В данном году рекомендуется руководствоваться учебными пособиями данного года. Не так ли?» — и наталкивается на возражение своего антипода-проводника генеральной линии партии и главного инженера Маргулиеса: «Почему же нам не воспользоваться поправками будущего года, если мы открываем их в настоящем?»¹⁷.

Если ранний (теневой в культуре соцреализма) исторический оптимизм профанизирует прошлое, то его господствующая в советской литературе метафизическая разновидность объявляет прошлое небытием или уничтожает его. Прошлое делает живого человека мертвецом: в «Оптимистическом романе» Ю. Берзина повествуется о том, как Юрий Соплеменников «вспоминал» своего находящегося рядом и благополучно здравствующего отца, крупного государственного руководителя, «как покойника — нежно и почти страдая»¹⁸. Неудивительно, что Соплеменников-старший, произносящий за обеденным столом оптимистические тирады, не выдерживает испытания мимикрией, начинает пить, развратничать и уходит на дно жизни, а Соплеменников-младший таким же чудесным образом превращается из забулдыги в образцового комсомольца. Прошлое перенимает

функцию будущего, становясь объектом фантазии: «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского начинается со сцены нейтрализации прошлого будущим:

«Один. Кто это?

Второй. Публика. Наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали на кораблях»¹⁹.

Зритель может воспринимать трагедию Вишневского как вымысел о небывшем, рассказываемый здесь и сейчас²⁰; может — как свидетельство новой симметричной относительно оси времени реальности, позволяющей «тосковать» о будущем. В обоих случаях он будет прав.

Противоречие актуального и потенциального, недостаточно осознанное в России к началу XX века, становится еще менее ощутимым в культуре соцреализма в результате уравнивания онтологического статуса настоящего и будущего. В соцреалистической модели мира асерторические высказывания малоотличимы от контрфактических, поэтому план завода — это сам завод, а макет здания — само здание²¹. Обратное, однако, неверно: план (портрет) состоявшегося — опасная тавтология, сакрализирующая и профанное прошлое диалектики, или вовсе несуществующее прошлое метафизики; она подлежит или осмеянию (десакрализации)²², или устранению — в «Солнечном городе» Ильенкова скульптор Андрей Мезенцев, поняв, что созданные им скульптуры колхозников «слишком похожи», разбивает их и принимается за новые — аллегорические²³.

Поскольку все желаемое осуществимо, то наиболее рациональное решение является и наиболее оптимистическим: Захар Павлович и Саша Дванов в «Происхождении мастера» А. Платонова записываются в партию, обещающую социализм через год (а не через пять или десять лет, как другие)²⁴. В отсутствие неопределенности будущего и непредсказуемости результата теряют свою специфичность страх и риск, характерные для психологии оптимиста²⁵. Риск нейтрализуется планомерностью: лозунг «Будем рисковать!» записывается в протокол партийного собрания²⁶. С другой стороны, любые сомнения в осуществимости плана/макета естественно характеризуются как противодействие его осуществлению. Главный инженер строительства нефтепровода Беридзе выговаривает старому инженеру Грубскому: «Вы не рассказали главного: как перестроена техническая концепция проекта в связи с новым правительственным постановлением. Срок укладки нефтепровода сокращен с трех лет до одного года»²⁷.

В связи с ликвидацией потенциального теряет свой особый статус утопия: если «завтра» в культуре соцреализма определяется как (второе) «сегодня», то утопическое «нигде» — как «здесь». С наибольшей наглядностью демонстрирует это «Страна Муравия» А. Твардовского: поначалу повествование разворачивается в традиционном утопическом жанре — как преодоление бесконечного пространства:

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та твоя...
И всем крестьянским правилам

Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хорошая страна!..

И едет, едет, едет он,
Дорога далека,
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака²⁸

Поиски завершаются встречей с другим неудачливым адептом пространственной утопии — ходоком по святым местам, который разъясняет Никитке Моргунку суть произошедших изменений:

Была Муравская страна
И нету таковой.
Пропала, заросла она
Травую-муравой.

Зачем она, кому она,
Страна муравская нужна,
Когда такая жизнь кругом,
Когда сподручней мне, —
И торкнул в землю посошком, —
Вот в этой жизни стране?²⁹

Утопия исчезла, сделавшись неотличимой от реальности и утратив тем самым свою специфичность³⁰. Осколки знаменитого «Города солнца» Т. Кампанеллы присутствуют во многих текстах соцреализма: летняя резиденция доктора Степанова в «Строгом юноше» Ю. Олеши — «небольшое здание, построенное в современном стиле. Легкое, белое, с обилием стекол»³¹. Еще более интенсивно внедрение знаменитой утопии в роман В. Ильенкова «Солнечный город»: начальник строительства завода Семен Платов видит недостаток жизни в отсутствии прозрачности/проницаемости для солнца («стекла все черные... и мыть их бесполезно, — всюду копоть и дым. Так и в жизни»³²) и просит Григория Северова, архитектора города будущего, переделать проект так, чтобы в нем было «тепла побольше»³³. Однако, как и большинство персонажей соцреализма, Платов охотно противоречит сам себе: уверенно разъясняя принципы устройства будущего города, он в то же время сомневается в его человеческой ориентации: «Каким будет он, новый житель солнечных городов? Будет ли он испытывать чувство ревности? Как он будет переживать потерю любимой женщины? До каких высот поднимутся его могущество, мудрость и любовь?»³⁴ С одной стороны, это абсурдное для социалистического человека незнание будущего можно объяснить «негацией антропологии» в соцреализме, закрывающей доступ внутрь человека³⁵, с другой стороны — его мучительной раздвоенностью между диалектикой истории и метафизикой вечности³⁶. Степень неидентифицируемости человека с самим собой такова, что начальник строительства нефтепровода Беридзе в «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «сокративший» время стройки в три раза, отказывается сделать то же самое с войной, открыто манифестируя свою алогичность: «Война продлится столько, сколько нужно для победы. Если нужно — год! Если нужно — три года, пять лет, десять лет!.. Разве нас посылали сюда затем, чтобы мы поддерживали всякую сомнительную “логику”?»³⁷

Итак, оптимизм советского человека реализуется в двух различных мирах. Один из них — метафизический, лишенный прошлого, однородный и тотально детерминированный. Другой — диалектический, резко разграничивающий прошлое и

будущее и тоже детерминированный, хотя и не тотально. Логически эти миры, как верно замечает Беридзе, несоизмеримы; во всяком случае, в рамках «семантики возможных миров» Беридзе-диалектик и Беридзе-метафизик не являются одним и тем же человеком, ибо не обладают достаточными критериями для сравнения³⁸.

«Два мира — два оптимизма», соединенные между собой непонятно по какому принципу, оказались довольно шаткой идеологической конструкцией. С одной стороны, завершённый мир оптимистической метафизики открыто декларирует свою тотальность: вне и помимо его не может быть никакого настоящего оптимизма. Наивная попытка Ле Корбюзье внести свой вклад в идеологию соцреализма была недоуменно отвергнута: пограничники от культуры (Всесоюзное Общество Культурных Связей с заграницей) не допустили на советскую территорию проект «Лучезарного города», сопроводив возврат пометкой «Для нас не представляет интереса»³⁹. Все, что подчеркивает эту тотальность, приветствуется, все, что размывает — преследуется, поэтому пессимизм Бальзака или Флобера кажется советской критике «неизмеримо выше» оптимизма О. Генри или Э. Золя⁴⁰. Проявляется известный психологический феномен — легче всего быть оптимистом, объявив всех остальных пессимистами⁴¹.

С другой стороны, метафизическое равновесие оптимизма в корне подрывается некоторыми идеологическими ходами, предпринятыми властью. Характерный пример — крайне нелепое (с точки зрения соцреализма) предложение догнать и перегнать капиталистические страны, озвученное Молотовым в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б). Историзация постисторического пространства усилилась после войны патриотической кампанией, начатой, как известно, тостом Сталина за русский народ в Кремле в 1945 г. Сколь сложным оказалось положение писателя, уже утвердившегося в трактовке современности как внеисторичной, совершенной и несоизмеримой с другими, показывает текст «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Комиссар, лежащий в одной палате с Мересьевым, объясняет ему, что он будет летать без ног, т. к. он советский человек: «Советский человек, — машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно-радостным взглядом»⁴². Через некоторое время Мересьев проходит медкомиссию, после которой происходит совещание, передаваемое Мересьеву врачом-студенткой Зиной: «комиссия еще долго толковала о нем и... военврач заявил, что Мересьев — необыкновенный парень и, может быть — кто знает! — действительно будет летать. Русский человек на что только не способен! На это один из членов комиссии возразил, что история авиации таких примеров не знает. Мирвольский (военврач — *К. П.*) же ответил ему, что история авиации много чего не знала и многому научили ее советские люди в этой войне»⁴³. Итак, в одном и том же контексте Мересьев именуется то русским, то советским человеком, при этом и то, и другое наименование используется для констатации его несопоставимости с другими. Однако, в эту несопоставимость уже трудно было поверить и читателю, и самому автору: недаром студентки медицинского института сравнивают храброго советского офицера Степана Ивановича с толстовским Платоном Каратаевым⁴⁴.

В послесталинское время историзация оптимизма в советской культуре идет по нарастающей. Знаменитое пророчество Хрущева («Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме») еще не допускает двойное прочтение: поскольку будущее в соцреализме равнозначно настоящему, а человек — сугубо статичен, то можно считать, что коммунизм уже наступил. С другой стороны, поскольку впервые за долгие годы в культуре открылось прошлое, притом сугубо профанного свойства (доклад Хрущева «О преодолении культа личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС), есть основания считать это заявление прогнозом, возвращением к Диалектике и Истории. Русский

исторический оптимизм коммунистического толка знавал и более смелые прогнозы: Маркс и Энгельс надеялись на революционный взрыв в 1848 и 1895 гг., а их последователи назначали приход всемирной революции на 1919 г.⁴⁵ С этого момента — первой неудачи — и началось сближение оптимизма со своей противоположностью, известное исследователям оптимистического сознания как «уменьшение уровня потребностей» (*Anspruchsniveauserkung*)⁴⁶. После краха идеи мировой революции исторический оптимизм был, казалось бы, обречен, но Сталин спас его, переформулировав диалектический тезис Ленина о «прорыве империализма в слабом звене» в метафизическую «возможность построения социализма в одной стране». Как только оптимистический мир сталинизма утратил свою тотальность, открылось не только прошлое, но и настоящее, отличное от будущего: появился, например, экологический пессимизм, вполне соизмеримый с аналогичными явлениями за пределами СССР⁴⁷. Последним оптимистическим заявлением в советской культуре, демонстрирующим крайнюю степень *Anspruchsniveauserkung*, можно считать брежневский призыв «превратить Москву в образцовый коммунистический город»⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Ce serait l'idée d'une correspondance entre l'ordre humain, l'ordre dans les pensées, dans les sentiments, et l'ordre universel dans la beauté et la sérénité» (*J. Cazeneuve. De l'optimisme. Paris, 1987. P. 28*).

2 «Замечено, что хронические больные часто отличаются оптимистическим мировоззрением, между тем как люди, полные сил и здоровья, становятся меланхоликами и предаются крайнему пессимизму» (*И. И. Мечников. Этюды оптимизма. М., 1917. С. 217*).

3 *В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся (1897) // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1958. С. 540—541.*

4 *W. Kraus. Kultur und Macht: Die Verwandlung der Wunsche. München, 1978. S. 98.*

5 *В. И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление (1938). М., 1992. С. 48.*

6 К аналогичным выводам приводит антропологическое исследование соцреализма: «Табу, налагаемое на человеческое, сообщает сакральному всеохватывающий объем и не оставляет никакого места для профанного (не убегающего в трансцендентность, читай: в «светлое будущее») существования. В то же время сакральное, будучи омни-сакральным, не имея специфицирующей его противоположности, подвергается профанизации» (*И. П. Смирнов. Соцреализм: антропологическое измерение // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 32*).

7 «Культура 1 сжигает свои руки и ноги, смывает с души память и пожирает своих детей — все это она делает как бы избавляясь от балласта, который мешает ей рвануться в будущее. Ждать она не может. “Я хочу будущего сегодня”, угрюмо сказал Маяковский Горькому, напугав его при этом своей нервозностью... В культуре 2 будущее отодвигается на неопределенное время. Оно становится еще более желанным и прекрасным, движение к нему — еще более радостным, но этому движению как бы уже не видно конца, движение становится самодостаточным... Движение в новой культуре становится вполне тождественным неподвижности, а будущее — вечности (примеры перехода от культуры 1 к культуре 2 — история мавзоля и ВСХВ-ВДНХ, превратившихся из временных в постоянные сооружения» (*В. З. Паперный. Культура «Два». Ann Arbor, 1985. С. 33—34*). См. аргументированную критику этой дихотомии в кн.: *В. Groys. Gesamtkunstwerk Stalin. Wien, 1988. S. 70—71.*

8 *E. Duering. Der Wert des Lebens /18 XX/. Leipzig, 1922. S. 298—299.*

9 Таким образом, чисто религиозное определение советского исторического оптимизма (*Е. Добренко. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историчес-*

ком освещении. Мюнхен, 1993. С. 59) представляется несколько односторонним.

10 «Aber was nicht der einzelne Mensch weiss und kann, das wissen und können die Menschen zusammen. So hat das gottliche Wissen, das alles einzelne zugleich weiss, seine Realität im Wissen der Gattung» («Но то, чего не знает и не может отдельный человек, могут люди сообща. Таким образом Божественное ведение, охватывающее собою все единичное, обретает реальность в знании рода») (*L. Feuerbach. Grundsätze der Philosophie der Zukunft*. (1843) // *L. Feuerbach. Entwürfe zu einer Neuen Philosophie* (hrsg. von W. Jaeschke und W. Schuffenhauer). Hamburg, 1996. S. 40).

11 *В. Бушин*. Литература выстраданного оптимизма // Урал. 1963. № 7. С. 160.

12 *В. Перцов*. Да, мы оптимисты! // Октябрь. 1959, № 3. С. 205.

13 *С. Бабаевский*. Кавалер золотой звезды. М., 1949. С. 43—44.

14 *В. Ажаев*. Далеко от Москвы. М., 1949. С. 62.

15 *С. Бабаевский*. Кавалер золотой звезды. С. 287. В аналогичной ситуации секретарь Невинского горкома партии Залкинд сообщает Ковшову: «Мы с вами минут пятнадцать едем по диаметру большого города» (*В. Ажаев*. Далеко от Москвы. С. 29). В интерпретации Г. Николаевой, будущее предстает нам в настоящем в виде неподвижного («сформированного») и эстетически совершенного феномена: «Вот так же, то в одном, то в другом месте, “прорывается” к нам наше коммунистическое будущее, к которому мы упорно приближаемся, так же мы ждем его, и все же черты его являются перед нами неожиданно; так же знаем о его красоте и все же на миг застываем от удивления и радости, когда зримая и осязаемая красота эта вдруг воочию встает перед глазами» (*Г. Николаева*. Черты будущего в колхозе «Красный октябрь» (1949) // *Г. Николаева*. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М., 1973. С. 225).

16 *В. Перцов*. Да, мы оптимисты. С. 202. Если считать, что для среднестатистического оптимиста основой его мировоззрения является «успешный опыт прошлого» (*M. F. Scheier, Ch. S. Carver. Optimism, Coping and Health: Assessment and Implications of Generalised Outcome Expectancies* // *Health Psychology*. 1985. Vol. 4. № 3. P. 229), то в соцреализме этот опыт обнаруживается и в прошлом, и в будущем.

17 *В. Катаев*. Время, вперед! М., 1960. С. 213.

18 *Ю. С. Берзин*. Оптимистический роман. Л., 1929. С. 66.

19 *В. В. Вишневский*. Оптимистическая трагедия (1932—1933) // *В. В. Вишневский*. Собр. соч. Т. 1. М., 1954. С. 217.

20 Отсюда вытекает легитимность фальсификации истории (см.: *И. П. Смирнов*. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 228—229).

21 «Макеты в культуре 2 всегда мифологически отождествлялись с тем, что еще будет построено. Поэтому Дворец Советов в культуре 2 все-таки был построен. И поэтому увенчивался он все-таки фигурой Сталина». (*В. З. Панерный*. Цит. соч. С. 231). То, что А. Платонов в «Городе Градове» включает проект сооружения плотины на Днепре в ряд других фантастических «проектов» (*М. Геллер*. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982. С. 115), демонстрирует не скепсис, но принятие философии соцреализма. Неразличение возможного и реального в культуре соцреализма становится не только эстетической программой, например, М. Горького (*H. Günther. Der sozialistische Übermensch: M. Gorkij und der sowjetische Heldenmythos*. Weimar, 1993. S. 107); *В. Ф. Ходасевич*. Некрополь и другие воспоминания. М., 1992. С. 170—198), но официальной политикой: «Ссылаются иногда на американские, на германские хозяйственные органы, которые будто бы также в плановом порядке руководят государством... Но это есть не планы-прогнозы, планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны» (*И. В. Сталин*. Политический отчет Центрального комитета XV съезда ВКП(б) (3 декабря 1927 г.) // *И. В. Сталин*. Сочинения. Т. 10. М., 1952. С. 326—327). О негации фантастического в соцреализме см.: *И. П. Смирнов*. Соцреализм: антропологическое измерение. С. 35.

22 В «Далеко от Москвы» Ажаева партактив встречает хохотом предложение инженера Полозкова свести результаты сделанного в «две диаграммы: динамику поступления рацпредложений по месяцам и сумму условной годовой экономии, полу-

ченной от изобретательства» (В. Аждаев. Цит. соч.. С. 726).

23 По мнению В. Беньямина, аллегория способствует взаимопроникновению сакрального и профанного, столь существенному для описываемой нами метафизики соцреализма: «Jede Person, jedes Ding, jedes Verhältnis kann ein beliebiges anderes bedeuten. Diese Möglichkeit spricht der profanen Welt ein vernichtendes doch gerechtes Urteil: sie wird gekennzeichnet als eine Welt, in der es aufs Detail so streng nicht ankommt. Doch wird, und dem zumal, dem allegorische Schriftexegese gegenwärtig ist, ganz unverkennbar, dass jede Requisiten des Bedeutens alle mit eben ihrem Wesen auf ein anderes eine Mächtigkeit gewinnen, die den profanen Dingen inkommensurabel sie erscheinen läßt und sie in eine höhere Ebene hebt, ja heiligen kann. Demnach wird die profane Welt in allegorischer Betrachtung sowohl im Rang erhoben wie entwertet» («Каждый человек, каждая вещь, каждое отношение может означать что угодно иное. Такая возможность выносит профанному миру уничтожающий, но справедливый приговор: он опознается как мир, в котором от деталей, по существу, ничего не зависит. Однако, тем более ввиду одновременной аллегорической экзегезы, совершенно очевидно, что все элементы значения, сущность которых основывается на чем-то ином, обретают такое могущество, которое немислимо для собственно профанных вещей, подымая их на некий высший уровень и даже сакрализуя. Таким образом, в аллегорическом подходе профанный мир и возвышается, и обесценивается одновременно») (W. Benjamin. Ursprung des deutschen Trauerspiels (1925) // W. Benjamin. Gesammelte Schriften. Band I. Teil I. Frankfurt am Main, 1972. S. 350—351). Автор благодарен М. Ямпольскому за обсуждение аллегории в связи с темой статьи.

24 См.: М. Геллер. Андрей Платонов в поисках счастья. С. 22. Отсутствие иррационального в соцреализме делает возможным промышленное производство оптимизма: «Фабрика оптимизма строится сейчас в России. Расчетливого, умного, рабочего оптимизма. Это крыло, где будет производиться для массового потребления оптимистическое искусство» (М. Левидов. О футуризме необходимая статья // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 137). Возможным откликом на этот радикальный даже для «Левого фронта искусств» манифест является ядовитое стихотворение Маяковского «Фабриканты оптимистов» (провинциальное)» (1927).

25 См.: M. F. Scheier, J. K. Weintraub and Ch. S. Karver. Coping With Stress: Divergent Strategies of Optimists and Pessimists // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. № 6. P. 1259; H. Hacker, R. Wieland-Eckelman. Dispositionelle Angstbewältigungsstile, Optimismus und Bewältigung: Ein interkultureller Vergleich. Wuppertal, 1989.

26 В. Аждаев. Указ. соч.. С. 422.

27 Там же. С. 22—23.

28 А. Т. Твардовский. Страна Муравия (1936) // А. Т. Твардовский. Избранное. М., 1957. С. 244.

29 Там же. С. 311.

30 Сравните отличное от нашего определение этой нейтрализации в «Городе Градове» А. Платонова. «Фантастический мир Градова — это реальный мир, в котором утопия стала нормой, а норма — утопией» (М. Геллер. Андрей Платонов в поисках счастья. С. 119). Характерно также употребление слова «утопия» в значении «ближайшее будущее» Маяковским (стихотворение «Немножко утопии (про то, как пойдет метрочка)» (1925) и Чайновым (статья «На путях к сельскохозяйственной утопии» (1919)).

31 Ю. Олеша. Строгий юноша (пьеса для кинематографа) (1934) // Ю. Олеша. Сочинения. М., 1974. С. 299.

32 В. Ильенков. Солнечный город. М., 1935. С. 19.

33 Там же. С. 44. «Перековавшийся» старый директор завода Корченко заставляет переделать дешевое остекление из осколков на более прозрачное — из цельных стекол (с. 107).

34 Там же. С. 73.

35 См.: И. П. Смирнов. Соцреализм: антропологическое измерение. С. 29. Индивидуальное человеческое переживание и осмысление оптимизма в соцреализме немислимо: Е. Добин считает крайне неправдоподобным и нереалистичным, что в рассказе

Н. Тихонова «День отдыха» героиня изолирована от завода, семьи, «поставлена под колпак своего психологического состояния, где она решает один на один проблему жизни и смерти, оптимизма и пессимизма». (Е. Добин. Воинствующий оптимизм // Литературный критик. 1935. № 6. С. 12).

36 И. Г. Гердер, оптимист, немало повлиявший на русскую историософию, обрисовал это противоречивое человеческое состояние так: «Der sonderbare Widerspruch klar, in dem sich der Mensch zeigt. Als Tier dienet er der Erde und hangt an ihr als seiner Wohnstatts; als Mensch hat er den Samen der Unsterblichkeit in sich, der einen anderen Pflanzgarten fordert. Als Tier kanner seine Bedürfnisse befriedigen und Menschen, die mit ihnen zufrieden sind, befinden sich sehr wohl hienieden. Sobald er irgend eine edlere Anlage verfolgt, findet er überall Unvollkommenheiten und Stückwerk; das Edelste ist auf der Erde nie ausgeführt worden, das Reinste hat selten Bestand und Dauer gewonnen: für die Kräfte unseres Geistes und Herzens ist dieser Schauplatz immer nur eine Übungs- und Prüfungsstätte — I. G. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. /17XX/ (Werke. Band 6). Frankfurt am Main, 1989. S. 193» («Проясняется странное противоречие в человеке. Как животное, человек служит Земле и привязан к ней, как к своему родному жилищу, но человек заключает в себе семена бессмертия, а потому должен расти в другом саду. Человек может удовлетворить свои животные потребности, и те, кто довольствуется этим, чувствует себя на Земле очень хорошо. Но как только человек развивает более благородные задатки, он повсюду начинает находить несовершенство и неполноту: ничто самое благородное так и не было осуществлено на Земле, и самое чистое редко укреплялось и утверждалось, и для сил нашего духа и нашего сердца эта арена действия — лишь место для упражнения сил, место, чтобы проверить их делами» — И. Г. Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 135. Пер. А. В. Михайлова).

37 В. Аждаев. Далеко от Москвы. С. 24.

38 См.: J. Hintikka. The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic. Dordrecht, 1989. P. 43. Даже в менее строгих семантиках (напр., у С. Крипке в «Name and Necessity») сопоставление двух миров соцреализма затруднительно.

39 В. З. Паперный. Цит. соч.. С. 66.

40 Е. Добин. Герой. Сюжет. Деталь (1934—1936). М.; Л., 1962. С. 39—40. См. также декларативную солидарность с повестью Вольтера «Кандид, или оптимизм», критикующей философию Лейбница: «Мы разделяем вместе с Вольтером всю глубину этой иронии по отношению к этой философии» (В. Перцов. Цит. соч.. С. 203). Вместе с тем, ирония Вольтера вполне могла бы быть принята соцреализмом на свой счет: в начале повести Кандид, совсем как Никита Моргунок Твардовского, отправляется в бесконечное путешествие за счастьем: «Candide chassé du paradis terrestre, marcha longtemp sans savoir où, plerant..., il se coucha sans souper au milieu des champs entre deux sillons». (Voltaire. Candide, ou l'optimisme, traduit de l'allemand de Mr. de Docteur Ralph (1759). Paris, 1959, с. 105.) — «Кандид, изгнанный из земного рая, долгое время шел, сам не зная куда,.. он лег без ужина посреди полей, между двумя бороздами» (Вольтер. Кандид. Простодушный. М., 1965. С. 20. Пер. Ф. Сологуба). Многотрудные и безутешные поиски, разнообразные лишения и искушения пессимизмом и диалектикой (Мартэн) не приводят к изменению позиции героя: он остается оптимистом в духе Лейбница, заявляя лишь, что «il faut cultiver notre jardin» — «Надо возделывать свой сад» (Там же. С. 234.) О том же думает Никита Моргунок, собираясь вступить в конце поэмы в «коммунию-колхозию».

41 См.: N. D. Weinstein. Unrealistic Optimism About Future Life Events // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 39. № 5. P. 819.

42 Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке. М., 1949. С. 125.

43 Там же. С. 227.

44 Там же. С. 168.

45 Эти и подобные им факты собраны и проанализированы в книге: P. Kardoff. Studien über Irrationalismus und Rationalismus in der sozialistischen Bewegung. Hamburg, 1980. S. 257—262.

46 См.: H. Hacker, R. Wieland-Eckelman. Dispositionelle Angstbewaltungsstile,

Optimismus und Bewaltigung: Ein interkultureller Vergleich. Wuppertal, 1989.

47 См.: *J. Debardeleben*. Optimists and Pessimists: The Ecology Debates in the USSR // *Canadian Slavonic Papers*, 1984. Vol. 26. № 1. С. 127.

48 Соответствующие цитаты из Ленина, Сталина и Брежнева впервые сведены вместе В. Паперным (Указ. соч.. С. 190—191).